

Он плавал в океане белого. Но обнаружил, что не одинок.

Он почувствовал зловещее приближение того, чего не хотел видеть. Это было здесь, прибывая с грохотом, который эхом отозвался в нем, как никакой другой. Это был звук окончательности. Суда. Он услышал почти напевный голос, зовущий его сзади.

Великий черный холод схватил его и не отпускал. Знакомый и полный веса. Ритм грохотал громово в груди.

Там был человек с темными, жирными, до плеч волосами... он был одет в темные развевающиеся одежды, отчего выглядел как летучая мышь. Он повернулся, шагнул вперед от деревянного стола и присел. Вскоре он увидел только его лицо. И его холодные черные глаза.

Он почувствовал ноющую боль в порту на плече. Медленно пульсирующая. Затем к ней присоединилась боль в порту на левом бедре. Это было почти как дуэт в агонии. Он отодвинул его на задний план сознания... Куда оно принадлежало. Затем пришла замороженная... жгущая боль... по всему остальному телу. Он стиснул зубы и также отодвинул ее.

Он снова был на сцене в оперном театре, великое уравнение арканума выполнено в совершенстве под ним, и он только что активировал массивы, которые нарисовал на своем теле. Руки скрещены на груди, как будто он обнимал себя. Поток энергии протекающий через него, и поднимающий ветер с земли. Он закрыл глаза, когда синее свечение усилилось при его последней... той, которую он намеревался сделать последней... мысли... должен попытаться... для тебя Ал...

Ему было 15. Это место называлось Лондон. Он бежал... на двух полных ногах! Новизна этого умирала почти так же быстро, как пришла ему в голову. ... Владелец тела с этой стороны стучал болью по его только что прибывшему разуму, требуя: Кто ты..? Своим собственным голосом. Это был момент, когда он понял, что произошло. Я УКРАЛ... ЖИЗНЬ?!? И.. это был... я?!? Как...? Некогда. Земля содрогнулась. Заголовки в газете, мимо которой он пробежал в спешке, объявляли, что идет война.... Написано на языке, который он одновременно и узнавал, и не узнавал. Затем. Он увидел их. Огромные дирижабли... парящие в воздухе. Удивительно. Бесшумные. Что ЭТО были за штуки?

Ему было 13. В поезде, направляющемся на юг. Его брат, душа заточенная в доспехах, смеялся полым смехом над его попыткой сжутьничать в покер. Это была жалкая попытка, он признал про себя. Он смеялся вместе с ним, уже планируя следующую попытку...

Тук-тук. Он снова увидел холодные глаза того человека. Тук. Его вид дернулся всего на мгновение. Рука человека отодвинулась от его лица.

"Мистер Уизли, уверяю вас, что знаю, что делаю".

Его подбородок был твердо схвачен мягкими руками. Длинные пальцы впились в замерзшую

кожу. Он увидел, как сузились темные холодные глаза.

Винри, бьющая его голову гаечным ключом, кричащая на него, чтобы он лучше заботился и об Альфонсе, и о своем автопротезе... В темных туннелях под Лиором... ведя беженцев к безопасности... их путь преграждали существа, с которыми мог сражаться только он. Он повернулся и закричал им, чтобы они, черт возьми, убирались отсюда.... Огромная красная вспышка перед глазами на фоне яркого солнца пустыни, сигнализирующая о гибели тех, кто был в городе. Нет. Все эти люди... но тени, рассыпающиеся в дуге разрушения.... Многочисленные прямоугольные надгробия, сдвоенные и утроенные, складированные вверх... нагроможденные, как холм... Он упал на колени перед ними. Не в силах плакать, потому что знал, что не имеет на это права...

Ему было 12 в тот день, когда он получил серебряные часы и имя...

"ЗАСТАВЬ. МЕНЯ". Голос почти насмешливый.

Он выдохнул и прищурил глаза.

Дыхание. Он дышал.

Он медленно моргнул. Черные глаза. Холодные черные глаза. Жестокая вверх усмешка на тонких губах с одной стороны. Человек с жирными черными волосами.

Он сделал глубокий вдох. Задержал дыхание. Сосредотачиваясь внутренне. Ища. Он почувствовал энергию в комнате, текущую между атомами... всего в шаге от его досягаемости. Раздражающе вне досягаемости. Он снова медленно моргнул. Перегрузка правой руки... Он зашипел от ожога холодом этой руки так близко к ребрам, почувствовал это даже сквозь многочисленные слои... Услышал, как что-то рвется, и надеялся, что это не он сам. Она была остановлена... заблокирована чем-то. Он обнаружил, что не может пошевелить ничем другим, так как остальная часть его была занята дрожью и ознобом. Холодно. Так. Холодно.

Он нахмурился и уставился на то лицо.

Лицо перед ним резко дернулось назад, затем дало самый незначительный, едва уловимый кивок, хотя, казалось, смотрело на что-то особенно отвратительное во время этого.

Больше никаких образов не мелькало перед ним. Он выдохнул дрожащее дыхание. Его подбородок был отпущен.

<http://tl.rulate.ru/book/103687/3613108>